

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – IX

Материалы чтений,
посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

20–22 июня 2005 г.

Санкт-Петербург
«Наука»
2005

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ-IX (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы
конференции, проходившей 20–22 июня 2005 г. / Отв. редактор
Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. – 2005. – 286 с.

ISBN 5-02-027050-4

отв. редактор Н. Н. Казанский
отв. за выпуск Е. Р. Крючкова

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОВОДИТСЯ В РАМКАХ
Постоянно действующей Школы индоевропейского
сравнительно-исторического языкознания при ИЛИ РАН
(рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

РГНФ – грант № 03-04-00223а
«Индоевропейский компьютерный тезаурус»,
гранта № НШ-697.2003.6 Президента РФ
«Школа сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. А. Вербицкая, Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)
и

Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2001 г.
Подписано к печати 01.06.05 г. Формат 60x90/16. Тираж 300 экз.
Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН,
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.

ООО «АкадемПринт», Санкт-Петербург, ул. Миллионная, 19.
Лицензия ПУД № 69-924 от 30 октября 1998 г.

ISBN 5-02-027050-4

© Коллектив авторов, 2005
© ИЛИ РАН, 2005

А. С. Николаев

СООТНОШЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ЛЕКСИЧЕСКОЙ
СЕМАНТИКИ В ИНДОВЕОПЕЙСКОМ ПРЯЗЫКЕ:
ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ДЕРИВАЦИИ

Концепция *внутренней деривации (internal derivation)*, открытая Йохемом Шиндлером и разработанная его учениками (прежде всего, Аланом Нуссбаумом), является одной из центральных тем современного индоевропейского языкознания; внутренняя деривация, без сомнения, являлась важным инструментом словообразования в праязыке (см. тезисы Л. Г. Герценберга в настоящем сборнике). В качестве рабочего определения внутренней деривации примем следующее: **“Die Ableitung eines Stammes A' aus einem Stamm A der Form W(E)-S(E) ohne Suffigierung unter Wechsel der Ablautklasse”**¹. Достижения в области формальной реконструкции позволяют поставить вопрос более общего характера, а именно: как отделить случаи, когда перед нами развитие лексического значения слова (сфера исторической семасиологии), от случаев, когда мы имеем дело со словообразовательной семантикой.

Функции внутренней деривации:

- 1) образование собирательных имен среднего рода (*uodǵ ‘вода’ [хетт. *ua-a-tar*] → *uedōǵ ‘воды’ [хетт. *ú-i-ta-a-ar* ‘множество сосудов с водой’]);
- 2) образование possessивных прилагательных (*pīh₂ǵ/en- ‘жир’ [др.-гр. *πίαρ*] → *pīh₂uōn ‘снабженный жиром’ [πίων, др.-инд. *pīvan-*]);
- 3) образование одушевленных имен с конкретным или абстрактным значением (*tepos- n. ‘жара’ [др.-инд. *tāpas-*] → *tepos- m. ‘тепло’ [лат. *tepor*]);
- 4) образование от имен среднего рода одушевленных имен-сингулятивов (*seh₁-mǵ n. ‘семя’ [лат. *sēmen*] → *seh₁-mōñ- m. [лат. *Sēmō*], *érh₁os- n. ‘произрастание’ [арм. *ser*] → *Rerh₁és- [лат. *Cerēs*])

Отметим, что последняя функция близка к образованию прилагательных, ср.: *h₁óg^wni-, *h₁ég^wni-s ‘огонь’ (ст.-сл. **огнь**) → *h₁ég^wni-, *h₁g^wnéis ‘относящийся к огню’ (вед. *Agní* ‘бог огня, огонь’) или *krotu-, *kretǵ- ‘сила, духовная мощь’ (вед. *krātu-*, Dat.Sg. *krátve*, г.-ав. *xratu-*, Instr.Sg. *xratū*) → kretu-, *krtéǵ- ‘снабженный силой’ (др.-гр. *κρατός/καρτός* ‘сильный’).

Рассмотрим внутреннюю деривацию и связанные с ней вопросы на примере и.-е. *ǵenu- (др.-инд. *hántu-*, др.-гр. *γένυς*, гот. *kinnus*), которое в словаре Покорного получает несколько размытое толкование ‘челюсть, подбородок, щека, рот...’ (IEW: 381-382): допустимо задаться вопросом, должны ли мы видеть здесь метонимическое семантическое развитие² или перед нами результат словообразовательных процессов, т. е. несколько разных лексем?

Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, следует обратиться к системе классов склонения имен в праиндоевропейском (взаимоотношение между которыми и отражает внутренняя деривация):

акростатический

Nom.Sg. R(ó/é)-S(ø)-D(ø)

Gen.Sg. R(é)-S(ø)-D(ø)

Loc.Sg. R(ø)-S(é)-D(ø)

протерокинетический

Nom.Sg. R(é)-S(ø)-D(ø)

Gen.Sg. R(ø)-S(é)-D(ø)

Loc.Sg. R(ø)-S(é)-D(ø)

гистерокинетический

Nom.Sg. R(ø)-S(é)-D(ø)

Gen.Sg. R(ø)-S(ø)-D(é)

Loc.Sg. R(ø)-S(é)-D(ø)

амфикинетический

Nom.Sg. R(ø)-S(o)-D(ø)

Gen.Sg. R(ø)-S(ø)-D(é)

Loc.Sg. R(ø)-S(é)-D(ø)

² В принципе, для праязыка можно было бы представить себе и многозначное слово с нерасчлененной семантикой ‘часть лица’, ср. типологически слово из языка маратхи *dhōpar* со значением ‘колено, локоть, плечо, сустав, скула, бедро...’ (R. L. Turner, CDIAL 5580,12).

¹ P. Widmer. Zwei keltische t-Stämme // HS 110/2, 1997. С. 124–125.

Перед тем, как определить, к какому классу (или к каким классам) склонения принадлежало слово для 'челюсти', уточним фонетический облик корня, от которого оно образовано.

Данные древнегреческого языка указывают на второй ларингал в исходе корня, ср. очевидно родственные др.-гр. γένυς слова γνάθος (V в. до н. э. +) и γναθμός (Гом.+); возможны два объяснения наличию /a/ в этих словах:

либо γνάθος восходит к *ganat^ho- < *ǵnh₂-d^ho- с реверсией закона Линдемана в трехсложном слове (ср. др.-гр. σάος 'здоровый' < *tαος < *tu^hε^hος, ср. вед. *tāvīti*);

либо γναθμός восходит к *ǵneh₂-d^hmō- (правило *Wetter*³, ср. *h₂ceh₁-d^hrō- > *wedraⁿ > др.-англ. *weder* 'weather', нем. *Wetter*; для древнегреческого ср. μέτρον < *meh₁-trō- (*mh₁-trō- дало бы в древнегреческом μήτρον) или νόσος/νοῦσος < *nōd^hσo- < *noh₃d^hs-uo- *'снабженный усталостью', ср. вед. *nādhas-* 'стеснение, угнетенность' и др.-гр. νωθής 'усталый').

При любом из решений вокализм /a/ объясняется через реконструкцию конечного *h₂ в корне (одно из этих слов скопировало вокализм второго).

Лит. *žandas*, лтш. *zuòds* 'челюсть' восходит к сходному реконструкту *ǵonh₂-d^(h)o- (выпадение ларингала по закону Гирта-де Соссюра, но на выпавший ларингал указывает акутовая интонация).

«Македонская» форма *kάναδοι σταγόνες, γνάθοι* (*ǵonh₂-d^ho- / *ǵnh₂-d^ho-?), видимо, представляет собой древний композит с десемантизованным *d^hh₁- в качестве второго члена и корневым именем *ǵo/enh₂- в качестве первого (это же корневое имя возможно видеть в фриг. *á-ζήν* 'борода' < *h₂o-ǵēnh₂-; возможно, на него же указывает склонение др.-исл. *kinn* как корневого имени в pl.). Вокализм /a/ можно объяснить вокализацией *h₂.

³ Подробнее см.: А. С. Николаев. Этимология древнегреческого βύρις // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 24–26 июня 2002 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2002. С. 126–131.

Арм. *сnawt* 'челюсть' (основа на -i) может восходить к *cinawid- < *ǵenh_x(é)u-⁴, тем самым, предполагая реконструкцию *h₂ для объяснения вокализма /a/.

Итак, древнегреческие, балтийские и, с меньшей степенью вероятности, палеобалканские и армянские данные указывают на форму корня *ǵenh₂-. Важным промежуточным результатом является отсутствие часто предполагаемой омонимии этого праязыкового слова с *ǵenu- 'колено'.

Теперь обратимся к морфологии и.-е. *ǵēnh₂u-, чтобы определить, какое лексическое значение ('челюсть', 'щека', 'подбородок'...) сочетается с определенным акцентно-аблаутным типом.

Тохарский сохраняет форму с рефлексом продленной ступени в корне: тох. A Nom. Du. fem. *śanwem* '2 челюсти' < *k'æncæj +ne < *ǵēn(h₂)uo^hi⁵; это может указывать на акростатическую парадигму («пахистатический» тип в терминологии Л. Г. Герценберга).⁶

⁴ Возможно и альтернативное объяснение: w-эпентеза перед смычным (ср. *canawf* 'известный', *gewf* 'деревня' < *ue^hōj, *giwt* 'открытие, находка' < *uejdu-); в этом случае *сnawt* восходит к *ǵnh₂-d^ho, *ǵnh₂-d^hn-es, которое в аллегро-стиле получает вариант *ǵnh₂-dn-es, отсюда *d > арм. *t*. Наконец, возможно также восстанавливать *ǵnh₂-d^hōj, что объяснит склонение на -i.

⁵ Альтернативное объяснение для тохарской формы: *śanwem* < *k'æncæ+na < *ǵēncō-iH₂, где *ǵēncō- представляет собой vřddhi-derivat (с закономерной продленной ступенью аблаута в корне) от *ǵēnH₂u-, ср. *pārsvā-* 'область брюшины, подреберье' от *pārsū-* 'ребро' (так G. Klingenschmitt, *Tocharisch (Akten Berlin)*, 1994, С. 384). Однако это решение проблематично с семантической точки зрения: *śanwem* имеет значение 'челюсть', и сложно поверить, что в тохарском произошла вторичная конкретизация того значения, которое мы должны ожидать от vřddhi-derivата *ǵēncō- ('совокупность челюстей' или 'относящийся к челюсти, челюстной' *uel sim*).

⁶ На что уже указал М. Вайс (M. Weiss. *Studies In Italic Nominal Morphology*. Неопубликованная диссертация. Cornell, 1993. С. 97, прим. 9).

Древнеиндийский дает интересное с морфологической точки зрения слово *hānu-*, f. ‘челюсть’⁷ (начальный согласный *h-* вм. ожидаемого *j-*, видимо, чтобы избежать омонимии с *jānu-* ‘колено’). В ведийском имеется форма Instr. Sg., а также формы двойственного и множественного числа. Instr. Sg. *hānuvā* RV I, 168, 5b мало что дает нам для определения и.е. деklinационного типа, поскольку древнеиндийский не сохранил акростатических форм Instr. (например, *-ū* < *-u-h₁, ср. г.-ав. *krātū*), а в протерокинетическом склонении (уже в праязыке) в инструменталисе использовалась форма с нулевой ступенью аблаута в суффиксе (ср. *raśmā* RV 6, 67, 1 от *raśmán-* ‘повод’ вместо ожидаемого **raśmnā*, *krātū(u)vā*, мл.-ав. *κραῖβα*). Тем самым, мы не можем сделать выбор между акростатическим и протерокинетическим типом склонения.

Тем не менее, существенно следующее обстоятельство: в древнеиндийском алломорфы основ на *-u-*, продолжающих и.е. акростатическое склонение, часто имеют в основе расширение *-n-* (ср. Loc. Sg. *āyuni* ‘в жизни’ от **h₂o/eju-*, Dat. Sg. *mādhune*, Instr. Sg. *mādhunā* от **mo/ed^hu-* ‘смельной мед’),⁸ которое отсутствует в протерокинетических парадигмах (*āyú-* ‘живой’ образует *āyáve*, *āyóh*). Итак, форма инструменталиса указывает, скорее, на протерокинезу.

Формы двойственного числа в ведийском (Nom. Du. *hānū* IV, 18, 9, Loc. Du. *hānuvos*) могут быть возведены к **ǵéh₂u-h₁* (с нулевой ступенью аблаута в суффиксе) и противоречат тому, что мы видим в мл.-ав. **zanauua* ‘челюсть’ Yt. I, 27 (эмендация

⁷ Ср. RV VIII, 60, 13c *tigmā asya hānavo ná pratidhīse* ‘остры его челюсти, перед ними не устоять’ (Т. Я. Елизаренкова); RV I, 168, 5b *rējati tmānā hānuveva jīhvāya* (‘сложное место, заставляющее предполагать каузативное значение *rej-*, ср. “qui (donc pourrait) vous faire trembler au dedans, comme (on tremble) naturellement avec la langue (sise entre) les deux mâchoirs” (L. Renou), “wer macht euch selbst im Innern erzittern wie mit der Zunge zwischen den Kinnbacken” (K. F. Geldner), тем не менее, речь, несомненно, идет о челюстях).

⁸ Об этом феномене см. подробнее: А. С. Николаев. Rund um att. γράϋς, hom. γράϋς: zur Deutung einiger altgriechischer Personennamen // Colloquia Classica et Indo-Germanica III / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2003. С. 179–198.

Й. Нартен⁹). Вопрос об образовании двойственного числа довольно сложен: г.-ав. *mañiū*, мл.-ав. *pasu*, *daxiū*, *vohū*, вед. *vásū* позволяют реконструировать и.е. Nom. Du. **menjūh₁*, **desjūh₁*, **h₁cesuh₁*, что значит, что одушевленные акростатические имена в праязыке образовывали двойственное число с нулевой ступенью в суффиксе и в окончании, в то время как протерокинетические имена имели в этой форме полную ступень аблаута в суффиксе (вед. *bāhāvā*, мл.-ав. *bāzauua*, др.-гр. πήχες ‘обе руки’). Итак, мл.-ав. **zanauua* говорит в пользу протерокинетического склонения, а вед. *hānū* — в пользу акростатического; однако, в древнеиндийском исход формы двойственного числа *-ū* распространился среди *u*-основ (позже в древнеиндийском форма *bāhāvā* вытесняется *bāhū*), поэтому авестийским данным (хотя в нашем случае филологически менее надежным) должно быть оказано предпочтение.

Формы множественного числа: *hānavo* RV VIII, 60, 13c < **janapes* прямо соответствует брет. *genou* (и другим кельтским формам); с точки зрения и.е. реконструкции, **ǵéh₂u-ēs* не может быть интерпретировано однозначно, т. к. в праязыке единственное и множественное число склонялись по разным парадигмам: акростатические имена имеют протерокинетический дуалис и плюралис (**-u-s* vs. **-u-h₁*, **-u-es*), а протерокинетические имена имеют гистерокинетический дуалис и плюралис (**-u-s* vs. **-e₂-h₁e*, **-e₂-es*).¹⁰ Таким образом, **ǵéh₂u-ēs* может принадлежать как гистерокинетической парадигме с Nom. Sg. **ǵ(e)nh₂ē-s*, так и протерокинетической. Поскольку для реконструкции гистерокинетической парадигмы для праязыка нет никаких оснований (данные и.е. языков дают основания для выбора между акростатическим и протерокинетическим типом склонения), форму *hānavo* следует принять за еще один аргумент в пользу протерокинетического склонения.

⁹ J. Narten. Idg. ‘Kinn’ und ‘Knie’ im Avestischen: *zanauua*, *zānu.drājah-* // IF 74. С. 39–53 (перепечатано: М. Albino, М. Fritz (Hrsg.). Johanna Narten. Kleine Schriften. Wiesbaden, 1995. S. 157–172).

¹⁰ См.: А. J. Nussbaum. Head and Horn in Indo-European (Studies in Indo-European Language and Culture 2). Berlin; New York, 1986. С. 280–283; К. McCone. Oir. *aub* ‘river’ and *amnair* ‘maternal uncle’ // MSS 53, 1992. С. 107, прим. 10.

Древнеиранский материал уже служил предметом обсуждения выше в связи с мл.-ав. *zanāna; также отметим средне- и новоиранские формы, восходящие к *jan-uc-a-: ман. согд. *znwk*, хот. *ysanuwa*, пшт. *zāna*, бал. *zanūk* < *zanūcaka- (закон Сиверса: *j^hanH-uc- > *janūc- > *janūc-).

Итак, индоиранские формы имеют значение ‘челюсть’ и продолжают (за исключением среднеиранских форм, которые имеют нулевую ступень аблаута в суффиксе) **протерокинетическую** парадигму.

Древнегреческий: γένυς, f. (ῆ) ‘(нижняя) челюсть, подбородок, щека’ (ср. λ 320 πικᾶσαι τε γένυς εὐανθέϊ λάχρη; растительность ожидается на щеке или подбородке, но никак не на челюсти).

Тип склонения на -u/-uc- — это не вполне то, что мы ожидаем от рефлекса **акростатической** парадигмы (классический рефлекс последней: γουῖνος, δουρός < *ḡouc-, *doṛc-, где ступень /o/ в корне выдает принадлежность к акростатическому склонению).¹¹

Возможно, что -u/-uc- склонение возникло по аналогии к именам с исходом основы на *h₂, ср. (σ)ῦς, (σ)ῶς ‘свинья’ < *suh₂-, μῦς, μῶς ‘мышь’ < *muh₂-, а также части тела ὄφρυς ‘бровь’, ὄσφυς ‘ляжки, лоно’, ἰξὺς ‘талия’ и νηδὺς ‘желудок’.

Также возможно, что долгий /ū/ появился в парадигме благодаря ларингальной метатезе в формах наподобие *ḡēnh₂-b^{hi} (ср. др.-инд. *hanūbhyām* TS IV, 1, 10), так, в древнеиндийском появляется основа *hānū* (AV+). Наконец, возможно влияние со стороны дуалиса *ḡēnh₂u-h₁.

Итак, аблаут -u/-uc- возник в древнегреческом слове по аналогии, и занимающее нас слово может продолжать **протерокинетическое** склонение, ср. ἴτις ‘обруч из ивы, обод щита’ (где протерокинеза видна в деривате ἴτεια ‘шит’) или *participia necessitatis* на -τέο-, которые представляют собой экзосцентрические дериваты от основы слабых падежей

¹¹ Сложный случай представляет собой μέθυ, μέθυος, но это имя может продолжать как **акростатическую** парадигму *mód^hu-, *méd^hu- ‘сладок’, так и **протерокинетическое** прилагательное *méd^hu-, *m^hed^heus ‘сладкий’ (обе отражены в индоиранском).

абстрактных имен на *-tu- протерокинетического склонения.¹² Чтобы дополнительно подкрепить этот вывод, следует обратиться к деривату от этого слова, который может указать на принадлежность к определенной и.-е. парадигме словоизменения: однако, для анализа γένειον, эол. γένηον (Alc. 298, 10) ‘подбородок, щека, борода’ есть несколько взаимоисключающих возможностей:

а) *ḡēnh₂eu- ‘подбородок’ (алломорф протерокинетической парадигмы с аналогической полной ступенью в корне). Проблема заключается в том, что γένειον восходит к трехсложному *geneu-jo-, а не к ожидаемому *geneu-ijo-¹³ (γένειον в конце стиха ср.: X 74 ἀλλ’ ὅτε δὴ πολὶόν τε κάρη πολὶόν τε γένειον). Возможное решение этой проблемы было предложено М. Петерсом¹⁴: морфологически правильная форма *ḡēnh₂eu-ijo- ‘относящееся к подбородку’ получила суффикс -jo- (использующийся только в комpositах) по аналогии к композиту *prh₂-h₂eu₂-jo- ‘τὸ παρ’ ὀπί, щека’ (это могло произойти до того, сам суффикс -jo- был повсеместно в древнегреческом заменен на -ijo-, вследствие чего уже у Гомера появляются четырехсложные формы παρήϊον (Π 159, Δ 142, Ψ 690), παρήϊα (τ 208, χ 404)). Если принять это решение, дериват γένειον свидетельствует в пользу существования **протерокинетического** *ḡēnh₂u-, *ḡēnh₂eu- ‘подбородок’ (без ларингального окрашивания через морфемный шов).

б) согласно Алану Нуссбауму, γένειον говорит, напротив, в пользу **акростатической** парадигмы: локатив от акростатического имени *ḡēnh₂u-s, *ḡēnh₂u-s >> *ḡēnh₂uos выглядел как *ḡēnh₂eu-(i); после аналогического распространения /e/ в корне по все парадигме мы имеем *ḡēnh₂eu-(i), и гипотеза этого локатива даст нам трехсложное *ḡēnh₂eu-jo- > *geneu-jo-

¹² См.: M. Malzahn. *synestéon* – Zum participium necessitatis des Griechischen // Graeco-Latina Brunensis (FS Antonín Bartonek). SPFFBU N 6-7, 2001–2002 / I. Radová, K. Václavková-Petrovicová (Hrsgg.). Brunn, 2002. С. 135–141.

¹³ В. Forssman. Zur Lautform der lesbischen Lyrik // MSS 33, 1975: 24.

¹⁴ *Apud* I. Balles. Metrik, Sprachform und idg. Suffixe *jo und *ijo. Неопубликованная магистерская диссертация. Wien, 1996. С. 84.

(ср. *po/ed- 'нога', Лос. *ped-i 'на ноге', *ped-i-o- 'тот, кто на ноге' > πεζός 'пеший солдат').

Итак, данные древнегреческого языка (γένυς, γένειον) не дают возможности формального выбора между **акростатической** или **протерокинетической** парадигмой для и.-е. реконструкции.

Германские данные: геминация в гот. Acc. Sg. *kinnu* (Lc 6, 29; Mt 5, 39) объясняется либо через закон Люр (*Resonant-gemination durch Laryngal*), но он более чем сомнителен,¹⁵ либо через ассимиляцию **-n̥-* > *-nn-* в основе косвенных падежей, из чего следует, что в парадигме склонения присутствовала форма Gen. Sg. **ġen(h₂)-u-os*; «открытая флексия» может быть указанием на **амфикинетический** тип, но также возможно, что перед нами нормализованная **акростатическая** флексия,¹⁶ т.е. Nom. Sg. **ġēnh₂-u-*, Gen.Sg. **ġēnh₂-u-s* >> **ġēnh₂-u-os*. Семантика: гот. *kinnu* 'σταγών, щека', др.-исл. *kinn* 'щека', др.-англ. *cinn*, п. (или f.?), др.-фриз. *kinn* и др.-верх.-нем. *kinni*, п. (*ja*-основа) 'подбородок, челюсть'.

Кельтские данные для морфологической реконструкции почти ничего не дают: др.-ирл. *gin*, Gen. Sg. *geno*, Dat. Sg. *giun* 'рот', валл. *gen* 'челюсть, подбородок', *genaw* 'рот, губы', др.-корн. *genau* gl. 'os' (валлийская интрузия?), ср.-брет. *guen* 'щека', *genou* позволяют восстановить Nom. Sg. **ġen(h₂)-u-* (который может принадлежать к разным типам склонения) и Pl. **ġēnh₂-ejes* (который не дает информации об акцентно-аблаут-ном типе, ср. выше об индо-иранских данных).

Италийские данные: латинское прилагательное *genuīni* (*dentes: quod a genis dependent*, P. F. 83. 19) ничего не дает нам для определения морфологии интересующего нас слова: довольно поздно засвидетельствованная форма (Cic. +) может восходить к **ġenaūni* (**ġēnh₂-uīh₂-no-* или **ġēnh₂-eūih₂-no-?*) или же к **ġenuūni*. Лат. *gena*, *-ae* 'щека' дает для формальной реконструкции еще меньше: эта форма может восходить к **ġenaūa-* или к **ġenūa-* (отметим, что мы не знаем, какова судьба **-n̥-* в праиталийском, единственный пример, который может пролить свет на эту проблему, это *femur, feminis* < **d^hemūV-*, однако, реконструкция этого слова не менее проблематична).

Анатолийские данные: К. Уоткинз¹⁷ предположил, что хетт. Instr.Sg. *ganut* (ритуал *Zuwi*, пассаж о *hurkilaš pešneš*, KUB XII 63, Vs. 26) продолжает и.-е. слово для челюсти. Если это так, то перед нами важный пример для определения склонения занимающего нас слова (которое в данном контексте может иметь лишь значение 'челюсть': то, чем хватают льва): важен как исход словоформы *-u-t* (не *-aw-at*), так и /a/ в корне, которое может продолжать и.-е. **o*, что было бы свидетельством акростатической апофонии. Однако мы знаем, что в корне нашего слова содержался ларингал, и в этом случае мы ожидали бы рефлекс **ganu-*. Если же /a/ представляет собой рефлекс слогового сонанта **/ŋ/*, мы ожидали бы **ganhu-*, ср. **pl̥h₂- > pal̥h₂-*.

Филологическая интерпретация этого текста, однако, неоднозначна: Э. Ной¹⁸ привел аргументы (в том числе, изображения) в пользу интерпретации *ganut epten* как 'хватают льва за колено' (и.-е. **ġo/enu-*). Тем самым, хеттское слово не относится к разбираемой нами группе форм.

Как можно видеть, в и.-е. языках исследуемое слово обозначает как 'челюсть', так и другие, смежные с челюстью части лица ('подбородок, щека, рот'). В и.-е. языках это слово имеет рефлекс, указывающие как на **акростатическое**, так и на **протерокинетическое** склонение.

¹⁵ См. критику А. Ю. Николаева: А. Ю. Николаев. Spuren der offenen Flexion bei den urgermanischen u-Stämmen? // Индоевропейское языкознание и классическая филология — VII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 16–18 июня 2003 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2003. С. 180-195.

¹⁶ Об этом процессе см.: J. Schindler. Alte und neue Fragen zum indogermanischen Nomen // In Honorem Holger Pedersen. [Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft, Kopenhagen 1993] / J. E. Rasmussen (Hrsg.). Wiesbaden, 1994. С. 397.

¹⁷ C. Watkins. Hittite ga-nu-ut and related forms. // Indo-European Studies I / C. Watkins (ed.). Cambridge, Mass., 1972. С. 87-99.

¹⁸ E. Neu. Hethitisch genu-/ganu- "Knie" // KZ 86, H. 2, 1972. С. 288-295.

На основании предпринятого анализа можно предложить реконструкцию следующей деривационной цепочки, которая представляется наиболее экономным решением.

*ǵéñh₂u-, Gen. Sg. *ǵéñh₂u-s, Du. *ǵéñh₂u-h₂e ‘челюсть’
(акростатическое склонение)
→ *ǵéñh₂u-, Gen. Sg. *ǵñh₂eys (протерокинетическое склонение)

с основным значением ‘лежащий у челюсти, относящийся к челюсти, occupying the jaw’, откуда обозначения для различных частей лица, как-то: ‘подбородок’, ‘щека’, ‘рот’, все то, что расположено рядом с челюстью.

Также отметим, что слово для ‘челюсти’ имеет женский род, что необычно, поскольку слова, изменяющиеся по акростатическому склонению, обычно среднего рода (*ǵo/enu- ‘колено’), предложенная деривационная цепочка позволяет объяснить этот факт тем, что женский род был перенесен с протерокинетического деривата на акростатическую деривационную базу (*ǵéñh₂u- ‘челюсть’, n. → *ǵéñh₂u-, Gen. Sg. *ǵñh₂eys ‘то, что у челюсти’, f. ⇒ *ǵéñh₂u- ‘челюсть’, f.)

Лишь тохарский сохранил форму, продолжающую алломорф акростатического склонения в значении ‘челюсть’; древнегреческий, по крайней мере, частично, сохранил значение ‘щека’ и протерокинетическое склонение; оба деklinационных типа для этого слова сохранены в индиранском, в то время, как германский материал отчетливо продолжает акростатическое склонение, но при этом совмещает различные значения.

Как мы видим, морфологический подход и использование внутренней деривации позволяет отказаться от расплывчатой семантики, которую дает словарь Ю. Покорного, и предложить взамен четкую формальную реконструкцию, в рамках которой значение оказывается мотивированным и строго соответствует установленным словообразовательным типам.

Дополнение: вспомним древнее и.-е. обозначение зуба (сосуществовавшее с *h₁d-ont-, буквально ‘кусающий’): праформы *ǵomb^ho- продолжают ст.-сл. *зъбъ*, лтш. *zùobs*, тох. А *kam*, В *kete*, др.-инд. *jámbha*, а также, с семантическим сдвигом (‘гвоздь’), др.-гр. *υβίφος*, др.-исл. *kamb*, лит. *ža bas*. Лабиальное расширение — это либо древний композит с корнем *b^heh₂-, либо десемантизованный суффикс *-b^hh₂o- (наверяд ли мы вправе восстанавливать корень *ǵomb^h-).

Итак, мы получаем *ǵom- ‘зуб’, которое мы вполне можем сопоставить с *ǵonh₂- ‘челюсть’, которое мы уже видели в начале:

1) согласно закону Гирта-де Соссюра *ǵonh₂-b^h(h₂)-o- переходит в *ǵop-b^h(h₂)-o-;

2) происходит ассимиляция *-nb^h- > *-mb^h-.

Из этого следует, что за корнем *ǵéñh₂- стоит и.-е. слово для ‘зуба’, а др.-гр. *γνάθος*, *γναθμός*, лит. *žándas*, макед. *káναδοι* ‘челюсть’ восходят к композиту *ǵonh₂-d^ho- ‘то, где (рас)положен зуб’.

Что же стоит за *ǵéñh₂u-? Перед нами основа с экзоцентрическим значением, образованная при помощи possessivного суффикса *u-, ср. хетт. *ma/iilitu-* ‘сладкий, медовый’ < *melit-u- от *melit- ‘мед’, др.-гр. *μέλιτ-*, вед. *patáru-* ‘летающий, имеющий крылья’ < *p(o)ter-u- от *potr, *ret-n- ‘крыло’, хетт. *pattar, pad-današ*; этот суффикс часто сопровождается *vrdhhi* в корне деривационной базы, ср. вед. *ἄπ. λεγ. pādú-* RV X, 27, 24 ‘обувь’ (пали *pādūkā*) < *pēd-u- ‘имеющий в себе ногу’ ← *pód-, *pēd- ‘нога’ или *neċ-, *ṛċ- ‘смерть’ (лат. *nex*, др.-гр. *νέκεϛ*, *νεκροί* Hsch.) ⇒ *neċ-u- ‘имеющий смерть’ (др.-гр. ион. *νέκυς* (*ĩ*)) → *neċ-ou-s, *ṛċ-ċ-és ‘имеющий смерть’ (ав. *nasāum*, др.-ирл. Nom. Pl. *écaí*).¹⁹

Отсюда следует возможность восстановления внутренней формы для и.-е. слова со значением ‘челюсть’:

*ǵonh₂-, *ǵéñh₂- ‘зуб’ ⇒ *ǵéñh₂u- ‘то, что содержит зубы, having a totality of teeth’ > ‘челюсть’

¹⁹ См. подробнее: А. С. Николаев. Рец. на кн.: P. Widmer. Das Korn des weiten Feldes. Interne Derivation, Derivationskette und Flexionsklassenhierarchie: Aspekte der nominalen Wortbildung im Urindogermanischen. Innsbruck, 2004 // Acta Linguistica Petropolitana. T. 2. СПб.: «Наука» (в печати).